нымъ принципомъ стоимости по ученію такъ называемой австрійской школы, основывающей стоимость на «предѣльной полезности».

Но и между сторонниками экономическаго ученія Маркса, которые продолжаютъ видѣть въ теоріи этого мыслителя если не абсолютную, то относительную истину, наиболѣе удовлетворяющую современному изслѣдованію, — и между сторонниками марксовскаго ученія, говоримъ мы, все чаще и чаще слышатся голоса, указывающіе на пробѣлы доктрины и на недоразумѣнія, заключающіяся въ ней. Такъ уже довольно давно было указано на тотъ слабый пунктъ теоріи, что изъ нея не видно, какъ извѣстное количество сложнаго, квалифицированнаго труда приравнивается извѣстному—большему—количеству труда простого, служащаго основнымъ мѣриломъ стоимости. Ссылка на то, что этотъ процессъ приравниванія совершается «за спиною производителей», именно и побуждалъ изслѣдователей повертываться уже не спиной, а лицомъ къ происходящему явленію и тщетно разглядывать, что же, наконецъ, дѣлается въ этой закулисной части экономики.

Точно такъ же неясно рисовалось отношеніе фактическихъ цѣнъ къ стоимости. А въ связи съ этимъ недостаточно выяснялся и самый характеръ стоимости, т. е. была ли она, напр., болѣе или менѣе фактическимъ мѣриломъ мѣновыхъ отношеній между товарами; или абстрактнымъ закономъ этихъ отношеній, чистотѣ проявленій котораго препятствуютъ лишь различныя условія дѣйствительности; или, наконецъ, ни болѣе, ни менѣе какъ логическимъ объясненіемъ того «фетишизма товаровъ», того экономическаго символизма, въ который производители капиталистическаго общества облекаютъ свои личныя связи при помощи товаровъ, осуществляя такимъ образомъ безсмертную фразу нашего Гоголя насчетъ «вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній».

Въ зависимости отъ всѣхъ этихъ вопросовъ ставился еще одинъ важный вопросъ, а именно, когда же, при какихъ условіяхъ мѣста и времени, проявлялся лучше всего принципъ стоимости, какъ мѣрила фактическихъ мѣновыхъ

отношеній. И очень знаменательно, что въ то время, какъ съ перваго взгляда всякій сторонникъ марксовскаго ученія указалъ бы въ этомъ смыслѣ на капиталистическое общество, никто иной, какъ Энгельсъ уже въ 90-хъ годахъ считаетъ нужнымъ пояснить, что законъ стоимости Маркса «господствовалъ» въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, предшествовавшихъ капитализму, и что именно въ періодѣ капитализма и умножились пертурбаціонныя вліянія, препятствующія чистотѣ проявленія закона. Очевидно, и здѣсь осталось много неразъясненныхъ сомнѣній...

Возьмемъ, наконецъ, теорію прибавочной стоимости. Если что казалось наиболѣе несокрушимымъ въ стальныхъ дедукціяхъ Маркса, то именно выведеніе этой стоимости изъ неоплаченнаго труда. Увы, и этотъ пунктъ подвергся критикѣ. Я не буду, конечно, говорить о такихъ поправкахъ и дополненіяхъ къ теоріи, которыя характеризуютъ, между прочимъ, русскихъ «критическихъ» марксистовъ, въ родѣ Струве и Туганъ-Барановскаго, признающихъ чисто буржуазныя положенія, что не только трудъ, но и капиталъ, но и машины производятъ стоимость, а потому могутъ являться источникомъ и прибавочной стоимости. Но опять таки даже у тѣхъ учениковъ Маркса, которые хотятъ остаться вѣрными духу ученія, упомянутый пунктъ возбуждаетъ сомнѣнія, если не прямо, то косвенно, если не самъ по себѣ, то по причинѣ характера дальнѣйшихъ выводовъ изъ него. Рѣчь идетъ объ объясненіи прибыли и ея размѣровъ на основаніи теоріи прибавочной стоимости. Надо ли говорить, что учившіеся политической экономіи по первому тому «Капитала» не могутъ отдѣлаться отъ чувства нѣкотораго разочарованія, когда они приступаютъ къ изученію второго, а особенно третьяго тома? Я уже оставляю въ сторонѣ самую форму изложенія, на которой сказалась мозаичная работа склеиванія воедино различныхъ неодновременно написанныхъ, неодинаково разработанныхъ манускриптовъ Маркса. Но васъ озадачиваетъ при безпристрастномъ изученіи послѣдняго тома объясненіе различныхъ видовъ дохода капиталистическаго общества не столько въ духѣ дальнѣйшаго развитія геніальныхъ формулъ пер-